

**Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»**

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии,
истории, политологии**

Сборник научных трудов

**по материалам
X международной научной конференции**

1 ноября 2017 г.

LJOURNAL.RU

Санкт-Петербург 2017

УДК 001.1
ББК 60

НЗ4

Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии. Сборник научных трудов, по материалам X международной научно-практической конференции 1 ноября 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - 36с.

SPLN 001-000001-0198-FF
DOI 10.18411/spc-01-11-2017
IDSP 000001:spc-01-11-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на X международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0198-FF

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ	4
Трофимцева С.Ю. Мифологизация истории в контексте государственной информационной политики.....	4
РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЯ	7
Артемов В.А., Новохацкая О.В. Трудовая деятельность сельского работающего населения.....	7
Болотов Г.И. Интегрированный подход к изучению феномена старости	10
Горлова Е.В. Выявление основных мотивации отказа от рождения детей у современного «чайлдфри»	14
РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ	19
Давыдов А.А. Феномен популярности конных состязаний в древнем Риме: античные и современные интерпретации.....	19
Ларин А.Н., Афанасьев Д.К. Историография проблемы саморегуляция поведения....	21
Некрылова О.Г. Роль католической церкви в образовании ХДС в американской оккупационной зоне Западной Германии	24
Рощупкина И.А. Деятельность СВАГ в области религии и осуществление процесса денацификация немецкой церкви в послевоенной Восточной Германии (1945-1948 гг.)	26

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Трофимцева С.Ю.

Мифологизация истории в контексте государственной информационной политики

*Самарский юридический институт ФЦИН России
(Россия, Самара)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-01

idspl: 000001:spc-01-11-2017-01

Идеи патриотизма играют довольно значимую роль для сохранения государства и консолидации его граждан. Государство как институт, регулирующий социальные отношения, посредством, в том числе, минимизации социальных конфликтов, всегда неизбежно вынуждено реализовывать функцию, определяемую рядом исследователей как «идеологическая». В современных условиях развития информационного общества реализация идеологической функции государства трансформируется в систему мер государственной информационной политики, одной из целей которой в России, как было зафиксировано в Доктрине информационной безопасности РФ ещё в 2000 г., является информационное обеспечение государственной политики в целом [1].

Объектом государственной информационной политики выступает социум как самоорганизующаяся информационная система, по отношению к которой, по мнению А.В. Манойло, возможно применение управляющего информационно-психологического воздействия со стороны властной элиты [2], целью которого является трансформация и иногда частичная модификация некоторых свойств информационной системы. За счёт этого власть самоутверждается и легитимизируется в общественном сознании, что П. Бурдьё называл властью добиваться признания власти.

Семантическим ядром государственной информационной политики выступает идеология как «понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, преданий, мифов, политических лозунгов, программных документов партий, мировоззренческих концепций» [3]. Как отмечает большинство исследователей, идеология, не имея откровенной религиозной окраски, исходит «из определённым образом “сконструированной” реальности, ориентированной на практические интересы властной элиты и имеющей целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание» [3].

Логика становления государственности, в том числе, и российской, демонстрирует стремление властной элиты навязать социуму удобную себе идеологию, позиционируя её как национальную. В этих условиях мифотворческий процесс приобретает своего рода искусственный характер и становится неотъемлемой чертой государственной информационной политики.

Искусственно созданные политические мифы, безусловно, имеют ряд общих черт с естественными мифами: исходным семантическим ядром являются реальные исторические события, которые определённым образом трансформируются, по выражению К.Х. Каландарова, в «воображаемые миры» [4] и частично сакрализируются. Однако уже на этапе оформления в политическом мифе снимаются имевшиеся в социуме в тот темпоральный промежуток противоречия, значит, исчезает вероятность восприятия информации как многозначной. Можно утверждать, что политический миф является всегда, в достаточной степени, специально подготовленной

информацией с заданными семантическими параметрами, а ссылки на будущую государственную потребность можно считать разновидностью «конструкта будущего» (К.Х. Каландаров), который представляется как связывание последовательных во времени несвязанных жёсткой причинно-следственной связью событий [5, С.326] для легитимизации интересов властной элиты и оправдания её просчётов. Как указывал Э. Кассирер, политические мифы «изменяют людей, в связи с чем миф используется в качестве операционного инструмента для достижения конкретных политических целей» [6, С. 63]. Эффективность данного инструмента властной элитой была осознана достаточно давно. Ещё в III в. до н. э. Цинь Шихуанди приказал отредактировать все китайские сказки и мифы, придав им нужную окраску.

Несмотря на то, что большая часть политических мифов с патриотической составляющей имеет конкретную темпорально-историческую предназначенность, некоторые из них, наиболее «удачные», способные возрождаться в ряде последующих эпох. В качестве примера можно привести миф об Александре Невском [7], образ которого, созданный по политическому заказу, вряд ли имеет что-то общее с реальной личностью, а его «пагубная политика», по мнению ряда специалистов, привела не только к ликвидации создаваемой антитатарской коалиции в 1252 году, но и «к формированию прочной зависимости северо-восточной Руси от татар» [8, С. 167]. Использование в политических мифах метода «авторитетных фигур», экстраполяции качеств, темпоральных смещений, «конструктов будущего» и пр., превращает миф в весьма действенный инструмент воспитания патриотических настроений не только у детей, но и у взрослых.

Однако политические мифы несут в себе определённую угрозу: разоблачение политического мифа может форсировать процесс делегитимации властной элиты в общественном сознании. Как известно, разоблачение ряда советских политических мифов в период Перестройки (мифы о «добром дедушке Ленине», о гуманистическом характере Советской власти и прочие) привело к тому, что значительная часть граждан большинства советских республик на региональных референдумах выразили несогласие с нахождением своей республики в составе СССР (последняя – Украинская ССР, 01.12.1991 г.), а у молодёжи 1990-х гг. начался рост ксеноцентричных настроений.

На современном этапе в связи с отсутствием чётко оформленной идеологии в государственной информационной политике РФ властная элита опять обращается к искусственным политическим мифам предыдущих, в частности, советской, эпох. Здесь можно назвать миф «о вынужденном характере заключения Пакта Риббентропа – Молотова» и целый ряд мифов о Великой Отечественной войне, в частности, о тотальном патриотизме советских граждан в начале войны, о подвиге двадцати восьми панфиловцев и т. п., причём информацию такого рода пытаются широко распространять также и в детской, и молодёжной среде. Результаты подобных действий могут стать вполне предсказуемыми: миф удерживает свои позиции в общественном сознании только в условиях недостатка информации. Вряд ли молодые люди, собирающиеся связать свою жизнь, например, с вооружёнными силами, всегда сохранит это настроение, если осознает, что невосполнимые потери в ряде сражений были 1:25 из-за осознанных решений советского командования, двадцать восемь героев-панфиловцев были произвольно выбраны из общей массы погибших и пропавших без вести, в результате чего Золотой звезды Героя Советского Союза был удостоен перебежчик, служивший на оккупированных нацистами территориях в полиции, запись в РОА периодически приостанавливалась из-за наплыва желающих, а

в блокадном Ленинграде партийно-государственное руководство возмущалось отсутствием мяса хотя бы в одном из четырёх приёмов пищи, требовало свежих фруктов и выбрасывало чёрствый хлеб...

Кроме этого, развитие глобального информационного пространства, как и предполагали футурологи, формирует в некоторой мере космополитические настроения, соблюдение свободы слова способствует разрушению части политических мифов, а наличие определённой степени интеллектуальных способностей вкупе с плюралистичной информацией позволяет сравнивать реальные и «воображаемые» миры явно не в пользу последних. Собственно, если обратиться к опыту США, то, как утверждают некоторые специалисты, во многом, именно низкий уровень общей образованности широких масс позволяет властной элите поддерживать относительно высокую степень патриотических настроений (одно из высказываний В.В. Жириновского относительно связи уровня образованности молодёжи и устойчивости положения властной элиты весьма показательны).

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что для развития патриотических настроений в обществе и воспитания подрастающего поколения властной элите не следует ориентироваться на только искусственно созданные «воображаемые миры», в высокой степени неадекватно отражающие историческую реальность.

1. Доктрина информационной безопасности РФ (утратила силу). Утверждена Указом Президента от 09 сентября 2000 года № Пр-1895 [Текст] // Российская газета. – 2000. – 28 сентября. – № 187.
2. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях [Электронный ресурс]. М.: МИФИ, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text24/0022.htm>, свободный.
3. Современный философский словарь. – М.-Минск: Харвест, 1993. – Ст. «Идеология».
4. Каландаров, К.Х. Психологическая война [Электронный ресурс] / К.Х.Каландаров. – Режим доступа: http://www.bookap.by.ru/kalandarov_psywar.shtm, свободный.
5. Трофимцева, С.Ю., Васильев, О.А. Особенности мифологизации образов политических лидеров и специфика их дискредитации [Текст] / С.Ю. Трофимцева. О.А. Васильев // Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика: Материалы Всерос. науч. конф. 13-14 декабря 2011 г. Великий Новгород: НовГУ. – 2012. С. 324-327.
6. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов [Электронный ресурс] / Э.Кассирер // Вестник МГУ. – Сер.7 «Философия». – 1990. – №2. – С. 58-65. – Режим доступа: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>, свободный.
7. Трофимцева, С.Ю. Политическое мифотворчество как метод государственной информационной политики [Текст] / С.Ю. Трофимцева // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф. Великий Новгород, 16-17 ноября 2010 г. – Великий Новгород: НовГУ, 2010. – С.358-359.
8. Феннел, Дж. Кризис средневековой Руси [Текст] / Дж. Феннел. – М.: Наука, 1989. – 296 с.

РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЯ

Артемов В.А., Новохацкая О.В.

Трудовая деятельность сельского работающего населения

*Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук
(Россия, Новосибирск)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-02

idspl: 000001:spc-01-11-2017-02

Функция характеризует место вида деятельности, занятия в системе повседневной деятельности, определяемое субъектом, основной смысловой и целевой нагрузкой действия. Значимость есть житейское, прагматическое содержание и направленность, связанные с удовлетворением преимущественно утилитарных, материальных потребностей с разной степенью их настоятельности, но, конечно, не только их. Ценность - самоценность вида деятельности. Ценность относится к субъективной сфере индивида, «выступая ориентирами деятельности человека» [1, с. 87].

Ценностные характеристики являются одним из элементов системообразующих связей повседневной деятельности. Ценность и значимость видов деятельности является тем внутренним регулятором, который перераспределяет между ними время, средства и энергию индивида. Если, например, возрастает ценность работы или учебы, увеличиваются затраты на них, то это ведет к уменьшению затрат в сферах отдыха и развлечений.

Информационной базой являются данные, полученные в ходе лонгитюдного исследования условий жизни, использования времени, повседневной деятельности населения (1986-1987, 1993-1994, 1999, 2004-2005, 2011-2012) ведется в Новосибирской области на одной и той же выборочной совокупности. Обследования представляют собой стабильные в организационном, методическом и содержательно-аналитическом отношении замеры реального положения и деятельности населения. В данной статье использовалась только анкетная информация. Данные приводятся отдельно по мужчинам и женщинам, поскольку, с одной стороны, половые различия и в ценностях и в использовании времени существенны, с другой - заметно различаются сферы труда: значительная доля женщин работает в преимущественно «женских» учреждениях образования, здравоохранения, культуры, торговли.

1. Труд.

Сельские работники в своем значительном большинстве трудятся в трех сферах - на основной оплачиваемой работе (включая предпринимателей и фермеров), в личном подсобном хозяйстве и в домашнем хозяйстве, которое остается преимущественно женским.

Приоритеты определяются по существу ролью в жизнеобеспечении семьи деньгами, продуктами и услугами, что в немалой степени зависит и от того, в каком секторе общественного хозяйства трудится работник: в сельском хозяйстве, бюджетной сфере или предпринимательском секторе.

2. «Основная» работа.

В семьях работников в 2011 г. зарплата составляла 75% совокупного денежного дохода среднестатистической семьи (в 2004 г. - 70 %). И столько же работников сказали, что без такой работы семья в селе не сможет прожить. Эта работа ценна также своей «профессиональностью», т.е. в большинстве случаев соответствием выполняемой работы с полученной, имеющейся профессией, квалификацией. Но произошло сокращение доли работающих мужчин, которые назвали эту сферу труда в числе тех, где они получают удовлетворение, реализуют свой потенциал, и у женщин этот показатель тоже сократился (табл. 1). Заметим, что половина опрошенных работающих мужчин были заняты в сельском хозяйстве.

Таблица 1

Сфера, в которой сельские работники получали большее удовлетворение, проявляли свои способности, % к числу ответивших

Вид занятий	Женщины			Мужчины		
	1999	2004	2011	1999	2004	2011
Работа в общественном хозяйстве, учреждении («основная работа»)	40	41	39	45	39	35
Труд в подсобном хозяйстве	9	6	5	18	13	11
Домашние дела	46	33	32	33	27	24
Общественная работа	3	7	5	3	2	2
На досуге	6	11	18	6	15	22
Занятия с детьми	23	24	27	13	12	12

3. Труд в личном подсобном хозяйстве.

У мужчин произошло дальнейшее сокращение ценности труда в личном подсобном хозяйстве. Это подтверждает, прежде всего «выживательный» характер данного вида труда. Сократилась и ценность домашнего труда (которая до 1999 г. стремительно росла). Значимость же досуговой деятельности существенно возросла. Очевидно, что трудовая деятельность в целом теряет свою ценность и значимость, поскольку не приносит работникам желаемых результатов.

Вопрос о том, чем является для респондента личное подсобное хозяйство, задумывался как альтернативный (табл. 2). Однако при опросе респонденты выбирали два или даже три из предложенных мнений. Поэтому был образован неальтернативный признак. Вариант «только вынужденная необходимость», несомненно является лидером. Однако имеется четкая тенденция на снижение значимости этой необходимости. В 2011 г. данный вариант отметили значительно меньшее количество респондентов - половина мужчин и уже меньше половины женщин. Ответ «забота о семье, близких» стал более популярным, особенно среди женщин. А вот ведение ЛПХ просто «по привычке» как у женщин так и у мужчин становится менее актуальным. К сожалению, мужчины все менее видят в ЛПХ возможность почувствовать себя хозяином: работа в ЛПХ все менее является «проявлением крестьянской жилки, сути», меньше позволяет быть независимым.

Таблица 2

Чем является работа в ЛПХ для сельских работников, % к числу ответивших

Мнение	Женщины			Мужчины		
	1999	2004	2011	1999	2004	2011
Только вынужденная необходимость	60	50	43	70	57	51
Проявление крестьянской жилки, сути	7	9	10	16	5	7
Дает ощущение связи с природой	5	7	6	3	8	10

Позволяет быть более независимым в жизни	11	9	6	13	7	5
Забота о семье, место сотрудничества ее членов	27	34	37	21	24	26
Просто привычка	19	11	10	16	15	13

Можно предположить, что личное подсобное хозяйство, воспринимавшееся в самые, пожалуй, тяжелые годы (1993-1994) как направление дальнейшего развития села (в какой-то мере наряду с фермерством), как способ жизни, сфера самореализации, потеряло в немалой степени таковое значение. Многие сельские привыкли видеть ЛПХ как, хотя и необходимое, но все-таки подсобное, т.е. дополнительное, хозяйство, сферу труда, при существовании главного - труда в крупном коллективном хозяйстве или в учреждениях социальной инфраструктуры. Они не могли или не могут теперешнюю ситуацию принять как долговременную и, тем более, перспективную для своей жизни. При этом надо учесть, что в селе все-таки немалая доля работников учреждений воспитания, образования, здравоохранения, культуры, да и квалификационный потенциал специалистов сельского хозяйства рассчитан на их «крупномасштабное» использование с учетом специализации и объемов труда и производства.

Личное подсобное хозяйство занимает в жизни сельских работников существенное место по значимости для поддержания уровня обеспеченности семьи и по уровню затрат времени и труда на его ведение. В последних двух обследованиях (2005 и 2012 гг.) почти каждая вторая работающая женщина и почти 40% работающих мужчин отметили негативное влияние занятости в ЛПХ на здоровье при самой низкой доле считающих такое влияние позитивным. Конечно, здесь сказывается занятость во всем семейном хозяйстве и труд на основной работе, однако тяжесть труда в ЛПХ – один из главных факторов такой оценки.

Вероятно, ЛПХ не способно в настоящих условиях стать полноценной альтернативой работе в общественном хозяйстве с учетом приносимого дохода и затрачиваемого труда на его ведение.

4. Домашний труд.

Значительная часть сельских жителей, в том числе женщин отождествляет домашний труд с трудом в ЛПХ, нередко ставя последний по реальному значению выше своей работы в формальном секторе. Достаточно распространенным дополнением к предложенным ответам было такое: «это – вся жизнь». Тем не менее, мы пытались получить оценку важности именно домашнего труда, уточняя в вопросе анкеты, что домашний труд в ЛПХ не включается. Вариант «позволяет экономить деньги, сокращать расходы» стал отмечаться сельскими работниками чаще, также как и ответы «способствует общению в семье, воспитанию детей» и «позволяет проявить свои навыки, умения» и «является отдыхом от основной работы» (табл. 3). Эти ценности домашнего труда, несомненно, являются позитивными. А вот ответ, что важность домашнего труда состоит в необходимости и обязанности его делать, имеет негативную окраску.

Таблица 3

Важность для сельских работников домашнего труда, % к числу ответивших

Значимость, функция домашнего труда	Женщины			Мужчины		
	1999	2004	2011	1999	2004	2011
Позволяет экономить деньги, сокращать расходы	54	45	51	49	46	47

Способствует общению в семье, воспитанию детей	6	23	25	2	14	19
Позволяет проявить свои умения, навыки, заботу	3	15	17	2	9	14
Является отдыхом от основной работы	1	12	13	2	11	12
Считаю домашний труд малополезным занятием	1	6	5	1	6	3
Обязанность, необходимость	н/д	11	16	н/д	12	15
Затруднение с ответом	8	6	5	10	12	9

Соотношение пользования услугами и выполнение тех или иных работ непосредственно в семье изменилось. Можно говорить о снижении роли собственного труда в удовлетворении потребностей семьи в услугах. Территориальная доступность услуг стала несколько меньше. Фактор нехватки денег для оплаты услуг в отказе от «внешнего» их выполнения стал менее значимым. Тем самым значимость части домашнего труда в семье также стала ниже. В 1999 г. не пользовалось услугами 27% семей опрошенных, в 2004 г. - 18%, в 2011 – 15%. В наибольшей степени выросло пользование парикмахерскими (с 32 до 58%) и транспортными услугами (с 25 до 51%).

В целом совокупный труд членов семьи в трех его основных видах (основная и дополнительная работа, работа в личном подсобном и домашнем хозяйстве) в 2011 г. позволял улучшать материальное положение 14% семей работников (в 2004 г. - 18%), а для 23% семей не позволял даже сохранять уровень жизни, предотвратить его снижение (в 2004 г. – 17%).

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Осипова Г. В. М.: Норма-ИНФРА, 1998.

Болотов Г.И.

Интегрированный подход к изучению феномена старости

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-03

idsp: 000001:spc-01-11-2017-03

Феномен старости во все времена представлял сложную мировоззренческую проблему. Наряду с положительными оценками всегда присутствовали и отрицательные. С одной стороны, старость олицетворяла мудрость и правильно прожитую жизнь. С другой стороны, проблемы, обусловленные угасанием жизненных сил человека, вызывали негативные реакции.

Отношение общества к пожилым людям отражает уровень цивилизованности этого общества, несущего ответственность за их социальное, материальное положение, эмоционально-психологическое состояние. Как известно, в последние десятилетия происходит увеличение доли таких людей в составе населения индустриально развитых стран. Не обошел стороной этот процесс и Россию.

Существует ряд теорий, интегрирующих психологический и социологический подходы при анализе позднего этапа человеческой жизни. Среди них: теория сопровождения; теория эффективной поддержки; теория ученой зависимости. В рамках последней зависимость людей пожилого возраста не рассматривается только как

автоматическое следствие старения и ухудшения физических и психических способностей, а представляет собой, в значительной степени, последствие социальных условий. Это теория противоречит модели учебной беспомощности, предложенной американским психологом М. Селингэмом, который постулирует зависимость, являющуюся результатом предсказуемых обстоятельств, только как потерю. Представители теории ученой зависимости утверждают, что старики становятся зависимы в результате непредвиденных социальных обстоятельств, включающих укрепление зависимости и пренебрежение или наказание за попытку стать независимыми.

Социо-эмоциональная теория селективности является попыткой объяснения сокращения социального взаимодействия, наблюдающегося в старости. Она выступает альтернативой двум ранее влиятельным, но противоречивым социологическим объяснениям данного феномена - теории активности и теории разъединения. В отличие от них социо-эмоциональная теория селективности предполагает, что сокращение участия пожилых людей в социальных сетях является следствием мотивированного перераспределения ресурсов пожилыми людьми. Таким образом, пожилые люди не просто реагируют на социальные контексты, но проактивно управляют своими социальными мирами.

Разработка проблем старости в исследованиях социальных антропологов началась достаточно поздно с анализа этнографических данных в рамках программы изучения человеческих отношений в 1945 году (исследование значения возраста в 71 примитивном обществе). Ранние теоретические формулировки базировались на связи модернизации общества и изоляции пожилых людей. Однако в современных антропологических теориях фокус исследования сместился на различный опыт старения во всевозможных культурных контекстах, на роль специфики контекста в понимании изменения жизненного курса, также исследуются разные этнические группы пожилого и старческого возраста и старики-инвалиды. Сегодняшние антропологические теории рассматривают поколенческие системы как плодотворный путь осмысления жизненного курса, так как каждое человеческое общество имеет свои поколенческие принципы, организующие социальную жизнь. Теоретически акцентируется не хронологическое время, а определение положения поколений в системе отношений, важную роль в которых играют системы родства. Подобная модель предполагает, что жизненный курс в сложных обществах основан на комбинации поколенческого (социального) и хронологического возрастов и делимый на множество возрастных этапов.

В отличие от медико-биологических подходов к вопросам изучения старости, социологические теории концентрируют внимание на положении пожилого и старого человека в обществе и его социальном восприятии. В социальной геронтологии разработано значительное количество теорий, с позиций которых анализируется процесс старения, а также положение пожилых людей в обществе. Остановимся на наиболее распространенных из них.

Теория разъединения У. Генри, Е. Камминга объясняет изоляцию пожилых людей от общества естественным, неизбежным и выгодным для социальной системы процессом. Социальная активность представителей позднего возраста реализуется в основном в деятельности, связанной с семейным бытом, в этот период жизни характерно сокращение социальных контактов, ограничение потребностей, желаний и возможностей самореализации.

Сточки зрения М. Елютиной, теория активности органично сочетается с теорией развития и непрерывности жизненного пути. В соответствии с последней, каждый этап

жизни человека закономерно связан и вытекает из предшествующих стадий, поэтому третий возраст необходимо анализировать только в контексте всего жизненного пути человека.

Согласно теории возрастной стратификации М. Вебера, Р. Дарендорфа, Р. Мертон и Т. Парсонса, общество представляет собой совокупность возрастных групп, а каждое поколение уникально и обладает только ему присущим опытом. В условиях превращения рынка в главный социальный регулятор происходит существенное углубление социально-возрастной стратификации.

В рамках теории субкультуры А. Роуза пожилые люди рассматриваются как носители особой системы ценностей, норм и стереотипов. Возрастная субкультура позволяет пожилым людям адаптироваться к новым условиям, формировать новые связи и отношения, перестроить свои психологические установки.

Структурно-функциональный подход (Э. Камминг, У. Генри, П. Монсон, М. Рили, Л. Торнстам, Е. Якимова, К. Грофф) обуславливает отношение к старикам сточки зрения их возможностей выполнять ту или иную функцию, приписываемую им воспринимающим их человеком или обществом.

Теория социального конструирования реальности П. Бергера, Т. Лукмана дает определение ситуации индивида и составляет основу конструирования общественного значения возраста, варьирования его в разных социокультурных условиях, а также возрастной стратификации.

Теория «элиминирования» старости рассматривает поздний этап жизни человека, акцентируя внимание на деструктивных процессах, происходящих в организме, и синонимизируя старость с болезнью.

Физическое, психическое, социальное и экономическое благополучие и здоровье у пожилых людей взаимосвязаны теснее, чем в более молодых возрастных группах, что обуславливает необходимость в их комбинированной оценке. Особое значение при этом придается взаимоотношениям старого человека с его ближайшим окружением. При существующей замедленности и психосоциальной интровертированности, трудностях адаптации к переменам у пожилых создаются условия для развития ригидности и консерватизма суждений, недооценки опыта новых поколений и идеализация собственного опыта. Непонимание психологических особенностей старых людей часто приводит к конфликтам с молодыми, нарушению взаимоотношений в семье, влияющих на социальную изоляцию стариков. Напротив, доброжелательная микросоциальная атмосфера способствует сохранению психического здоровья, самооценки, достоинства, положительных социальных установок и взглядов старых людей.

Социальные теории старости нередко разрабатывались как результат теоретического конфликта. Чтобы подчеркнуть контраст между теориями, часто используются два измерения, интерпретационное и нормативное, а также макро- и микросоциальное. Интегрирующие теоретические перспективы пытаются соединить два и более различных подходов. Теория модернизации представляет собой пример нормативной макротeorии, теорию идентичности можно отнести к интерпретирующим микротeorиям, теорию разъединения относят к нормативным, а теория жизненного курса к интегрирующим.

Теоретические обобщения, которые прослеживаются во многих современных концепциях, сосредотачиваются в основном на трех аспектах конструирования социального феномена старости. Во-первых, изменения касаются перехода жизненного курса от сегрегации старости к ее интеграции в общественную жизнь. Во-вторых, многие жизненные перемены являются более непрерывными и не обязательно

необратимыми процессами. В-третьих, определенные направления в образовании, семейной жизни, работе, здоровье и досуге рассматриваются как взаимодействующие. Соответственно, реализация личности в данных областях является одновременной и взаимной, а не представляет собой ряд независимых явлений.

Каждое проявление стереотипного отношения к пожилым людям определяется в первую очередь факторами современной для него эпохи. По сравнению с традиционным обществом с четкой сословной иерархией, определявшей статусные позиции и судьбу человека, сегодня утрачена определенность в оценке старших поколений, но чаще приходится констатировать негативное восприятие старости.

Например, М.Э. Елютина и Э.Е. Чеканова считают, что «прессинг социальных стереотипов достигает такой силы, что большинство пожилых людей строят свое поведение в соответствии с ярлыком, конструируя при этом собственную «ущербность», которая инкорпорируется во внутреннюю структуру личности, становясь заслоном для ее самореализации». Среди негативных стереотипов старости наиболее распространенными, согласно исследованиям М.Э. Елютиной, П. Тейна, Э.Е. Чекановой и др., являются следующие:

1. Старость есть болезнь, диссолюция жизненно важных физиологических систем организма, галолирующее нарастание физической и духовной немощности.

2. Старость - падение уровня жизни, обвал, крушение, зависимость.

3. Старые люди рассматриваются исключительно как объекты социальной помощи и поддержки.

4. Старость ассоциируется с образом человека, имеющего такие визуальные характеристики как стоматологические дефекты, морщинистую кожу, седые волосы. И это происходит несмотря на разрушение стереотипа «средних лет», активно осуществляющуюся модернизацию старения и применение техник маскировки старости.

5. Еще один стереотип, отражающий местный российский колорит, - старость соотносится с агрессивным типом поведения в общественном транспорте.

Подводя итог, следует отметить, что в науке к настоящему времени сформировались различные парадигмы старости, социологические теории старости можно подразделить на антропологические теории, теории стиля жизни и собственно социальные теории. Интегрированный подход к изучению такого многоуровневого феномена как старость представляется наиболее перспективным в рамках социогеронтологической проблематики.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995.
2. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология: учебное пособие. - М.: ИНФРА – М., 2004.
3. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология: учебное пособие. - М.: ИНФРА - М., 2004.
4. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология: учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 2004.
5. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этатократический гендерный порядок // Социальная история: Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкарева. - М.: РОССПЭН, 2003. - С.436-463.
6. Краснова О. В., Лидерс А.Г. Психология старости и старения: Хрестоматия. - М.: Academia, 2003.
7. Дихотомия геронтологической ситуации в современной России: эксклюзия - инклюзия / Под ред. М.Э. Елютиной. Саратов: Саратовский гос. техн. Ун-т, 2006. – С. 78.
8. Феномен старости: медико-социальный контекст / Е.В. Чернышкова, И.Ю. Новичкова // Социальная политика и социология. – 2010. – № 2. – С. 174.
9. Handbook of Theories of Aging. - New York, 1999.

Горлова Е.В.

Выявление основных мотивации отказа от рождения детей у современного «чайлдфри»

*Астраханский государственный университет
(Россия, Астрахань)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-04

idsp: 000001:spc-01-11-2017-04

За последние пятьдесят лет наблюдается значительный сдвиг в модели рождаемости в развитых странах, произошедший главным образом в результате достижений в области контрацепции, образования и гендерного равенства. Новые реалии ставят перед современными людьми множество вызовов, одним из которых является вопрос продолжения рода человеческого, а именно желания рождения детей. Людей, добровольно выбравших жизнь без детей, отказавшихся от рождения детей или же тех, кто сознательно не хочет (или больше не хочет) обременять себя совместной жизнью с детьми принято называть «чайлдфри» (от англ. *childfree* – свободные от детей), а их объединившихся единомышленников – «группами чайлдфри», «сообществом чайлдфри» и т.п. Целью данной статьи является попытка сформировать примерный образ современного «чайлдфри». Методологией исследования является выявление основных мотивации отказа от рождения детей у мужчин и у женщин.

На протяжении последних десятилетий этот феномен вызывает устойчивый массовый интерес, как в научной среде, так и в СМИ, поскольку у данного нового видения своей гендерной роли в обществе появляются как ярые сторонники, так и ярые противники, считая его социальным паразитом. Этим и объясняется актуальность нашего исследования.

Научная и публицистическая литература, посвящённая изучению «чайлдфри», весьма разнообразна. Данный феномен исследуют историки, социологи культуры, социальные антропологи, религиоведы, философы, культурологи, специалисты по маркетинговым исследованиям и мн. др. При изучении причинно-следственных связей появления «чайлдфри», нередко встречается упоминание работ Д. Кэлхуна, который в 60-70-е гг. XX в. проводил опыты по созданию идеального мира на примере мышинной стаи [1]. Основная идея данных экспериментов заключалась в том, что для испытуемых был создан в замкнутых условиях т.н. мышинный рай, в котором не было необходимости беспокоиться о болезнях, воде и еде. Изначальный демографический взрыв постепенно замедлялся и грызуны стали проявлять девиантное поведение. Так, пассивные самцы все меньше и меньше тяготели к самкам, зачастую молодые особи становились «отверженными», т.к. их агрессивно подавляли старшие и более опытные самцы, которые не умирали вследствие недостатка пищи или болезней. У них происходил психологический слом, и они уже не могли заботиться ни о себе, ни о беременных самках. Д. Кэлхун определяет этот этап отказа от своих поведенческих обязанностей т.н. «смертью духа». У самок, в свою очередь, стала проявляться нервозность и агрессия, как к членам стаи, так и к собственным детенышам. Они стали отказываться от спаривания и деторождения и становились «отшельниками». Таким образом, в ходе эксперимента стали появляться т.н. «красивые» мыши (у них отсутствовали шрамы от драк), которые ели, пили, избегали каких-либо конфликтов, отказывались не только от своих социальных обязанностей, но и от желания к размножению. В ходе эксперимента смертность молодняка достигла ста

процентов, более взрослые особи умирали от старости, количество беременностей постепенно приблизилось к нулю, что и привело в свою очередь к вымиранию популяции [1].

Конечно, результаты данного эксперимента вызывают определенные опасения, особенно применительно к современным гендерным тенденциям. Однако, не будем забывать, что эксперимент проводился над животным миром, а мир людей более сложный и с моральной и физиологической точек зрения. Тем не менее, Д. Кэлхун выделил интересный этап «смерти духа», когда сломленные мыши осознанно отказывались от воспроизведения потомства. К сожалению, этот этап предшествовал следующему этапу – смерти физической. Таким образом, соотнося результаты эксперимента Д. Кэлхуна с интересующей нас научной проблематикой, мы можем акцентировать внимание на некоторых исследовательских проблемах. Так, если современная женщина и современный мужчина, подверженные идеям «чайлдфри», добровольно отказываются от воспроизведения потомства, то: 1. Не связан ли этот отказ со «слишком» хорошими условиями жизни (т.н. мышинным раем)?; 2. Существует ли некий аналог «смерти духа» у людей, влияющий на приверженность к идеологии «чайлдфри»? Поскольку наиболее широко данное направление представлено в США, проанализируем образ представителей «чайлдфри» на примере американского сообщества.

Логично предположить, что среди последователей «чайлдфри» существуют различные причины отказа от деторождения. Исследователи Д. Абма и Г. Мартинес [2] отмечают, что среди бездетных американских женщин в возрасте от 35 до 44 лет, распределение причин отказа от рождения детей было следующим: 42% – добровольный отказ и 28% – непроизвольный отказ (в силу каких-либо причин), 30% – классифицированы как временно бездетные (те, кто еще не имел детей, но планирует появление ребенка в будущем).

Многочисленные исследователи (Л. Брин, С. Джефффриз, Д. Дойл, К. Коннерт, Д. Пули и мн. др.) [4;9] отмечают, что деление только на добровольный и непроизвольный отказ от рождения детей может быть слишком упрощенным и не выявить всех причин данного решения, так как путь к бездетности (термин «добровольно бездетные» в данном контексте применяется только к приверженцам идей «чайлдфри» и ни в коей мере не относится к женщинам, желающим завести ребенка, но не имеющим на то возможностей) часто включает в себя комбинацию как собственного выбора, так и непроизвольных факторов. Исследования Й. Вееверс [15] показывают, что наиболее сильную приверженность к идее оставаться бездетными проявляют те, кто принимает данное решение в достаточно молодом возрасте. Также автор отдельно выделяет тех, кто откладывал вопрос о рождении ребенка, предполагая, что у них появится ребенок в подходящее для этого время, но, в итоге, так и не решился на это.

Авторы Е. Грей, А. Еванс, А. Реимондос, А. Фернхам отмечают, что характеризовать человека как полностью отказавшегося от рождения детей можно только в случае наступления менопаузы у женщин или стерилизации у обоих полов [6; 7]. Вполне логично, что значительная часть тех, кто выражал намерения остаться бездетным может позже изменить свое мнение. Таким образом, мы можем говорить о возможной погрешности в исследованиях, посвященных «чайлдфри».

Помимо жизненных обстоятельств на выбор человека также влияют и многочисленные социальные факторы. Рассмотрим последователей «чайлдфри» с учетом влияния данных факторов. Так, в ходе своего исследования, Д. Абма и Г.

Мартинес[2] пришли к выводу, что женщины «чайлдфри» имеют тенденцию быть более образованными по сравнению с женщинами, которые уже имеют детей или только желают стать родителями. Также, авторы отмечают, что добровольно бездетные женщины имеют относительно более высокие доходы, которые они используют для совершенствования своих профессиональных навыков и для улучшения условий проживания в городской среде. Авторы В. Варен и Х. Палс[16] отмечают, что чем больше женщины вкладывают средства в образование, тем более они подвержены идеям «чайлдфри», что не так выражено у мужского населения. Исследователь С. Каназава[10] также отмечает, что данное соотношение у мужчин не нашло схожего результата.

Интересно также рассмотреть ценностные ориентации последователей идей «чайлдфри». Исследователи (Д. Абма, В. Варен, Г. Мартинес, Х. Палс)[2; 16] сходятся во мнении, «чайлдфри» имеют тенденцию в своих привычках быть менее традиционными и менее консервативными, с более эгалитарным отношением к обеспечению гендерного равенства. Кроме того, как отмечают С. Стоберт и А. Кемени[14] «чайлдфри» чаще другого населения могут быть или нерелигиозными или атеистами.

Помимо социальной составляющей, для нас также представляет интерес мотивация стать «чайлдфри». Так, один из самых популярных доводов большинства «чайлдфри» является стремление к независимости и свободе[5]. В рамках исследования мотивации добровольно бездетных 1979 г. С. Хоусекнеcht[8] отмечает, что свобода от ответственности по уходу за ребенком была упомянута в качестве обоснования в 79%. В опросе 2009 г. также более 80 % респондентов (мужчины и женщины «чайлдфри» в возрасте до 40 лет) заявили о том, что прежде всего они ценят свободу и независимость[13]. Таким образом, мы можем констатировать, что несмотря на тридцатилетнюю разницу в исследованиях главная мотивация осталась неизменной.

Интересным представляется тот факт, что общее представление о том, что «чайлдфри» не любят детей, относится лишь к четверти всех опрошенных и не является повсеместным. Большинство же респондентов заявили о том, что они испытывают определенный дискомфорт в окружении детей или же у них отсутствует интерес к ним[13]. На наш взгляд, если рассмотреть данную статистику с позиции российского менталитета, то дискомфорт и отсутствие интереса как раз и можно назвать нелюбовью к детям. Однако другие представители «чайлдфри» могут любить детей и наслаждаться регулярными контактами с ними посредством работы или семьи. По мнению исследователей, такие контакты достаточно важны для человека, особенно для женщин, которые чувствуют, что у них не будет детей. Таким образом, они удовлетворяют свой материнский инстинкт или желание быть родителями[5].

Согласно ряду исследований, стереотип, что большинство «чайлдфри» отказываются от детей специально, чтобы сосредоточиться на своей карьере, не нашел подтверждения[5; 12]. Данную мотивацию указало лишь незначительное меньшинство исследователей. Финансовые же проблемы, связанные с рождением и воспитанием ребенка, волнуют больше мужчин, чем женщин[5; 12]. Популярной причиной отказа от детей стала идея о более хороших отношениях с партнером, что является противоположностью традиционных взглядов на супружескую жизнь[5].

Результаты одного из последних исследований, проведенных в 2015 г. М. Ависон и А. Фернхам[3], показывают, что современного «чайлдфри» в сравнении с человеком имеющим/желающим иметь детей можно характеризовать как не столь религиозного и

более склонного к либеральным политическим взглядам. Авторы полагают, что стремление быть родителем отрицательно соотносится с независимостью и положительно с уступчивостью и религиозностью. Респонденты, которые решили не иметь детей, будучи в юношеском периоде, были более независимы в своих религиозных и политических взглядах, нежели те, кто пришел к «чайлдфри» в более зрелом возрасте. М. Ависон и А. Фернхам[3] отмечают, что стремление сохранить свою независимость и свободу было самой популярной мотивацией среди респондентов, повторив предыдущие исследования (С. Хоусекнеcht 1979 г., Л. Скотт 2009 г. и др.) и укрепив вывод, что данные критерии являются основным мотивационным выбором респондентов.

В ходе проведенного исследования мы можем охарактеризовать современного среднестатистического «чайлдфри» как человека: с высоким материальным и социальным статусом, хорошим образованием, либеральными взглядами, не религиозного, единственного ребенка в семье (воспитывался без братьев и сестер), с добровольной позицией относительно наличия детей.

Отвечая на поставленные в начале исследования вопросы, констатируем, что уровень жизни «чайлдфри» порой выше уровня людей с детьми, что идеи «чайлдфри» больше распространены в развитых странах, что это добровольный выбор человека, зачастую не связанный с какими-либо психологическими травмами или сломанами. Таким образом, мы не нашли доказательств, что «чайлдфри» живут в определенном «мышинном рае», однако, вполне очевидно, что популярность данных идей напрямую зависит от уровня комфорта современного человека. Также мы не нашли подтверждения идее о психологическом сломе, повлиявшем на убеждения последователей «чайлдфри». Наоборот, это осознанный выбор человека, привыкшего жить согласно своим жизненным принципам. Отметим, что в ходе проведенной исследовательской работы, мы встречали упоминание о незначительном количестве людей, перенесших определенную душевную травму, что предопределило их выбор в пользу «чайлдфри». Однако, это не является доминантой в выборе изучаемого образа жизни.

Подчеркнем, что данное исследование затрагивает лишь часть вопросов, связанных с избранной проблематикой. Представленные изыскания раскрывают ряд направлений для дальнейшего изучения «чайлдфри» как нового феномена современного общества. Пугающее распространение этих идей говорит об их паразитарном влиянии на социум. Изучение обозначенной проблемы должно стать предметом более детализированного исследования, связанного с вопросом готовности общества к популяризации данного социального паразита.

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-33-01319 «Семья и социальные паразиты».

1. Эксперимент «Вселенная-25»: как рай стал адом – 21.11.14 – [Электронный ресурс] – Режим доступа : // <http://www.cablook.com/mixlook/eksperiment-vselennaya-25-kak-raj-stal-adom/>, свободный.
2. Abma, J.C., Martinez, G.M. Childlessness among older women in the United States: Trends and profiles // *Journal of Marriage and Family*. 2006. № 68(4). С. 1045-1056.
3. Avison, M., Furnham, A. Personality and voluntary childlessness // *Journal of Population Research*. 2015. № Vol. 32. С. 45-67.
4. Doyle, J., Pooley, J. A., Breen, L. A phenomenological exploration of the childfree choice in a sample of Australian women // *Journal of Health Psychology*. 2013. № 18(3). С. 397-407.

5. Duxbury, L., Medhill, J., Lyons, S. Childfree by choice: A study of childfree women in North America – Summary report. Centre for Research and Education on Women and Work, Ottawa, Canada. 2005.
6. Furnham, A. Choosing to Be Child-free. Why do some people not want to have children: to be childless? – 21.04.15 – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.psychologytoday.com/blog/sideways-view/201504/choosing-be-child-free>, свободный.
7. Gray, E., Evans, A., Reimondos, A. Childbearing desires of childless men and women: When are goals adjusted? // *Advances in life course research*. 2013. №18(2). С. 141-149;.
8. Houseknecht, S.K. Timing of the decision to remain voluntarily childless: Evidence for continuous socialization // *Psychology of Women Quarterly*. 1979. № 4(1). С. 81-96.
9. Jeffries, S., Konnert, C. Regret and psychological well-being among voluntarily and involuntarily childless women and mothers // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2002. № 54(2). С. 89-106.
10. Kanazawa, S. Intelligence and childlessness // *Social Science Research*. 2014. № 48(3). С. 157-170.
11. Kiernan, K. E. Who remains childless // *Journal of Biosocial Science*. 1989. № 21(4). С. 387-398.
12. Maher, J., & Saugeres, L. To be or not to be a mother? Women negotiating cultural representations of mothering // *Journal of Sociology*. 2007. № 43(1). С. 5-21.
13. Scott, L. Two is enough: A couple's guide to living childless by choice. Berkley, California: Seal Press. 2009.
14. Stobert, S., Kemeny, A. Childfree by choice // *Canadian Social Trends*. 2003. № 69. С. 7-10.
15. Veevers, J. E. Voluntarily childless wives; an exploratory study // *Sociology and Social Research*. 1973. № 57(3). С. 356-366.
16. Waren, W., Pals, H. Comparing characteristics of voluntarily childless men and women // *Journal of Population Research*. 2013. № 30(2). С. 151-170.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ

Давыдов А.А.

Феномен популярности конных состязаний в древнем Риме: античные и современные интерпретации

*Нижегородская государственная медицинская академия
(Россия, Нижний Новгород)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-05

ids: 000001:spc-01-11-2017-05

«... тысячи взрослых мужчин так по-детски жаждут опять и опять видеть бегущих лошадей и стоящих на колесницах людей...» [1, Письма.IX. 9] – эти слова Плиния Младшего наиболее точно передают атмосферу, окружавшую конные состязания в древнем Риме. В чем же кроется секрет их популярности и что так притягивало римских граждан в цирки?

Тацит, в шутку или всерьез, ищет причины данного феномена исключительно на генетическом уровне: «... страсть к конным ристаниям... зарождается еще в чреве матери...» [2, 29]. Согласно Иосифу Флавию, копать следует глубже, и наследственность здесь ни при чем: в цирке, как нигде еще, у народа имелась возможность обратиться к императору с просьбами о своих нуждах [3, XIX.I. 4]. Геродиан же полагает, что цирк был прежде всего местом тесного общения народных масс между собой [4, II. 7. 3]. Ему вторит современный исследователь Ж.-Н.Робер: «страсти, разгорающиеся вокруг той или иной фракции... становятся самой модной темой для разговора. Каждый... считает себя обязанным иметь свое мнение о цирке...» [5, с. 200]. Обобщая все вероятные причины небывалого интереса публики к этому представлению, следует констатировать: «прежде всего захватывающим было зрелище стремительно несшихся, сшибавшихся, обгонявших одна другую квадриг; прекрасные лошади, лихие возницы, смертельная опасность этих состязаний – этого было достаточно, чтобы глядеть на арену, не отрывая глаз, затаив дыхание. А тут присоединялась еще веселая толпа... возможность завязать легкое, ни к чему не обязывающее знакомство» [6, с. 251]. Кроме того, в цирке зрителей могли ждать подарки, например, при Нероне и Домициане – тессеры, особые жетоны, выигрышами по которым могли быть «...одежда, серебряная посуда, драгоценные камни, картины, выучные животные, ручные звери, рабы, суда, доходные дома, поместья» [6, с. 326]. Другими словами, для бедняков посещение скачек было еще и реальной возможностью неожиданно разбогатеть.

Итак, огромная популярность цирковых игр в Риме не вызывает сомнений и формы ее проявления были весьма разнообразны. Перед искушением состязаний не мог устоять никто, от императоров и высших сановников до социальных низов. Одна лишь фраза из сатиры Ювенала «если от игр цирковых оторваться ты в силах...» [7, 3] красноречиво подчеркивает это. Другой великий поэт, Марциал, не может сдержать своего негодования по поводу популярности участников игр: «не известней ведь я, чем конь Андремон» [8, X. 9]. У Калигулы на почве зависти к славе цирковых возниц даже возник конфликт с народом: «когда чернь в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: «О, если бы у римского народа была только одна шея!»...» [9, Калигула. 29. 2]. Нерон, будучи ребенком, несмотря на все запреты, говорил только о

скачках [9, Нерон. 22. 1], а став императором, доходил в своем подражании до следующего: «он зачесывал волосы вперед и укладывал их уступами, как возница колесницы...» [10, с. 125]. Даже дети играли в цирковые состязания: «...велит принести себе панцирь зеленый ... ребенок Микалы» [7, 5]. Неудивительно, что конные ристания зачастую становились предметом бесед за трапезой в домах римских граждан [11, LXX].

Ярким примером народной любви к возницам может служить инцидент, произошедший в 354 г. н.э., когда префект Рима «... приказал взять под стражу возницу Филорома. Собравшаяся на его защиту чернь стремилась вырвать из рук властей своего любимца...» [12, XV. 7. 2]. В другом случае «во время погребения Феликса, возницы красных, один из его приверженцев бросился в костер в тот самый момент, когда на него возложили тело покойного» [13, с. 217]. Таким образом, возницы превращались в настоящих героев своего времени, если «молодежь из высшего общества, да и люди более зрелого возраста, не считают для себя зазорным исполнять роль возничего» [5, с. 201]. Некоторые даже удостоивались посмертной славы в поэтических строках: «Скорп, ты погиб, не изжив ранней молодости... Стремительно огибал ты мету – почему и для жизни твоей оказалась она столь близка» [8, X. 50]. Статуи возниц могли стоять в одном ряду со статуями богов, поэтому Марциал чувствовал определенное раздражение от того, что «всюду сверкает золотой нос Скорпа» [8, V. 25].

Лошади, выступавшие в состязаниях, мало в чем уступали возницам по популярности. По некоторым свидетельствам, они были не менее известны, чем даже достойнейшие римские граждане [5, с. 201]. Публика знала имена лучших лошадей, их происхождение, возраст, беговые качества. Показателен один случай: некто, увидев, как его лошадь обогнали во время бега, завернулся в свой плащ и упал без чувств [13, с. 217]. Более того, одна из лошадей была удостоена эпитафии: «песков гетульских детище, завода честь гетульского ... во цвете лет погибшая, ушла, Спевдуса, к Лете ты...» [6, с. 328].

Впрочем, как утверждает Плиний Младший, искренность симпатий народа к успешным возницам и скакунам не стоит преувеличивать. Зрители в цирке «...благоволят к тряпке... если бы во время самих бегов в середине состязания этот цвет перенести туда, а тот сюда, то вместе с ней перейдет и страстное сочувствие, и люди сразу же забудут тех возниц и тех лошадей, которых они издали узнавали, чьи имена выкрикивали» [1, Письма. IX. 9].

Итак, в период своего расцвета конные состязания в Риме наряду с гладиаторскими боями являлись любимым народным развлечением, чему было немало причин: от зрелищности и яркости самого представления до редкой возможности быть услышанным властями. Напрашивающаяся аналогия с современными массовыми зрелищными формами (спорт, эстрада и прочее) уместна, но не вполне корректна, так как «никакое сегодняшнее празднование несравнимо с этими великими римскими праздниками... коррида... является лишь бледным отблеском былого величия» [14, с. 96]. По крайней мере, в том, что касается чувства азарта и остроты ощущений.

1. Плиний Младший. Письма. Панегирик Траяну / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура. – М.: Наука, 1984. – 407 с.
2. Тацит. Диалог об ораторах // Тацит. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. – М.: ООО Изд-во АСТ, Ладомир, 2001. – 986 с.
3. Флавий Иосиф. Иудейские древности в 2 т. / Пер. Г. Генкеля. – Мн.: Беларусь, 1994.

4. Геродиан. История императорской власти после Марка в 8 книгах / Пер. с лат. А.И. Доватура. – СПб.: Алетейя, 1995. – 279 с.
5. Робер Ж.-Н. Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой. – М.: Новое лит.обозрение, 2004. – 400 с.
6. Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. – М.-Л.: Наука, 1964. – 161 с.
7. Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. – СПб.: Алетейя, 1994. – 222 с.
8. Марциал. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. – М.: Художественная литература, 1968. – 487 с.
9. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1990. – 250 с.
10. Грант М. Цивилизация древнего Рима. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – 397 с.
11. Петроний. Сатирикон / Пер. с лат. под ред. Б. Ярхо. – М.: Правда, 1991. – 598 с.
12. МарцеллинАммиан. Римская история / Пер. с лат. Ю. Кулаковского. – СПб.: Алетейя, 1994. – 569 с.
13. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск: Русич, 2001. – 576 с.
14. Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь древнего Рима через призму наслаждений. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 245 с.

Ларин А.Н., Афанасьев Д.К.

Историография проблемы саморегуляция поведения

*Пермский военный институт войск национальной гвардии
Российской Федерации
(Россия, Пермь)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-06

idsp: 000001:spc-01-11-2017-06

Понятие саморегуляции в словарях появились относительно недавно. Его возникновение в западной психологической науке связано с развитием кибернетики в 50 - 60 гг. 20 в. и общей теории систем Л. фон Берталанфи. В России идеи системной регуляции поведения на основе обратных связей начали свое развитие еще раньше в физиологии и физиологической психологии и вершинами их развития выступили теории функциональных систем.

Проблема саморегуляции поведения рассматривается в зарубежной и отечественной науке в разных теоретических аспектах. Термин «саморегуляция» имеет междисциплинарный характер. Данный термин широко используется в разных областях науки для описания живых и неживых систем, основанных на принципе обратной связи. Понятие саморегуляции (от лат. *Re gulare* – налаживать, приводить в порядок) в энциклопедических вариантах трактуется как целесообразное функционирование живых систем различных уровней сложности и организации, что получило развитие как в отечественной, так и зарубежной психологической науке.

Итак, рассмотрим подробнее историографию проблемы саморегуляции поведения.

Категорию регуляции впервые ввел П. Жанэ, который утверждал, что способность к саморегуляции поведения выступает высшим показателем личностного развития. Саморегуляция трактовалась им как механизм опосредования социальных ценностей и норм, как система внутренних требований, превращающих личность в активного субъекта [10].

З. Фрейд определял «Я» в качестве регулирующей инстанции, которое опосредует желания табу и нормами, участвует в осознании желаний.

А. Адлер процесс саморегуляции связывал с процессами развития комплекса неполноценности, который определялся им как патологический итог гипертрофированного чувства неполноценности. «Сверхкомпенсация» и «уход в болезнь» А. Адлер понимал как неудавшиеся механизмы саморегуляции поведения, в основе которых находится переживание «быть лучше других», «быть не таким как другие», противоречащее сложившимся нравственным ценностям и нормам.

Смысловой аспект процесса саморегуляции поведения нашел отражение в таких категориях динамической концепции К. Левина, как «надситуативное и волевое поведение» и «временная перспектива». Согласно взглядам Г. Олпорта, в процессе саморегуляции поведения ведущее значение имеет система ценностей, своеобразная жизненная философия, обобщающая, систематизирующая опыт и сообщающая смысл поступкам индивида. В. Франкл в теории логотерапии особо выделял смысловую саморегуляцию поведения, определяя под ней поиск и принятие того либо иного смысла жизнедеятельности, которым должно пронизываться любое событие в жизни [6].

В отечественной психологической науке начало изучения проблемы саморегуляции поведения было положено Л.С. Выготским, специфически связывающим человеческие способы саморегуляции с созданием и применением знаковых психологических орудий и видящим их в явлении овладения своим поведением. Знаки он понимал как искусственные стимулы - средства, которые сознательно вводятся в психологическую ситуацию и выполняют задачу автостимуляции.

С.Л. Рубинштейн соотносил высший уровень саморегуляции поведения с появлением мировоззренческого чувства, которое он понимал как осознанное ценностное отношение личности к себе самому, к окружающим людям, к миру.

Теория А.Н. Леонтьева положила начало изучению связанной системы «личностных смыслов», межмотивационных отношений, характеризующих собой строение личности. Самым мощным регулятором жизненных процессов он считал «личностные смыслы». Саморегуляцию поведения в контексте изучения «личностных смыслов» А.Н. Леонтьев понимал как специфическую деятельность, внутреннюю работу или внутреннее движение душевных сил, которое направлено на связывание системы личностных смыслов.

Дальнейшая конкретизация взглядов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева получила развитие в теории смысловых образований личности. Смысловые образования личности определялись как целостная динамическая система, которая отражает взаимодействие внутри пучка мотивов, определяющих то или иное отношение к миру, они рождаются и меняются в деятельности и играют в ней регулирующее значение. Регулирующее значение смысловых образований личности можно выявить при осознании и принятии их в качестве ценности [1].

В настоящее время психология располагает обширными данными о сути, роли и природе сознательной активности индивида в интеллектуальной деятельности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев и пр.); о сложности структуры саморегуляции поведения и итеративности ее механизмов (Б.Ф. Ломов, О.А. Конопкин и пр.); об особенностях формирования ее отдельных составляющих в детском возрасте (Д.Б. Эльконин, Л.А. Венгер, Л.И. Божович и пр.) Саморегуляция умственной деятельности исследуется в трудах Я.А. Пономарева; механизмы саморегуляции поведения, ее структура изучаются в трудах К.А. Абульхановой –

Славской, О.А. Конопкина; исследованием стилей саморегуляции поведения занимается В.И. Моросанова. Анализ саморегуляции более полно отражен в работах О.А. Конопкина.

И.И. Чеснокова изучает проблему саморегуляции поведения в контексте самосознания личности. Саморегуляция, по ее представлениям, отражается в непосредственном осуществлении коррекции действий и готовности менять свое поведение. Внутренним способом саморегуляции И.И. Чеснокова считает самоконтроль, который состоит в оценке поведения, которая соотносится с предполагаемой либо непосредственной оценкой его другими людьми. Регулирующие процессы у каждой конкретной личности имеют свои особенности, свою регуляторную специфику, которая, в свою очередь, зависит от психических особенностей индивида. Саму деятельность можно рассматривать как комплекс регуляторных актов, которые направлены на достижение конкретной цели, она состоит из двух стадий:

- стадия создания направляющей модели деятельности (образа), программирующей и предвосхищающей будущие результаты;
- стадия осуществления данной модели с помощью сложного аппарата корригирования (по принципу обратной связи).

Любая деятельность является возможной благодаря непрерывному процессу саморегулирования.

По В.И. Моросановой, саморегуляция поведения человека - это системно организованный психический процесс по инициации, поддержанию и управлению всеми разновидностями и формами внутренней и внешней активности, которые направлены на достижение поставленных задач. Саморегуляция поведения связывается с осуществлением разных видов внешней деятельности, внутренней психической активности, как бы сопровождая процесс осуществления поведения, а также начинаясь во времени раньше, чем сама деятельность (к примеру, процессы планирования и моделирования предвосхищают деятельность) [9].

Саморегуляция и активность выступают внутренними универсальными условиями осуществления деятельности.

Таким образом, обзор представлений о саморегуляции показывает, что категорию саморегуляции поведения необходимо рассматривать как интегративный процесс. Процессы саморегуляции проявляются в целостной жизнедеятельности личности на различных уровнях ее функционирования, включая рефлексивные, смысловые, эмоциональные, мотивационные, когнитивные и поведенческие процессы. Саморегуляцию поведения следует понимать как целостную динамическую систему функционирования различных уровней и аспектов саморегуляции, как системный процесс, который обеспечивает адекватную условиям изменчивость и пластичность на любом ее уровне. Изменения на одном из уровней будет оказывать влияние на ее другие уровни и на систему в целом.

1. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: Издательство УРАО, 2016. – 142 с.
2. Ларин А. Н. К проблеме саморегуляции в процессе физической подготовки курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации. / А. Н. Ларин, А. В. Дубровский, В. П. Чердынцев // Журнал «Современные проблемы науки и образования». – 2016, № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25794>.

3. Ларин А. Н. Моделирование саморегуляции поведения как средства повышения результативности физической подготовки курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации. / А. Н. Ларин, А. В. Дубровский // Мир образования – образование в мире.– 2017. –№1 (65). С 210-216.
4. Лидерс А.Г. Психологический тренинг с подростками. - М.: Академия, 2013. – 256 с.
5. Малкина - Пых И.Г. Возрастные кризисы. Справочник практического психолога. - М.: Эксмо, 2015. – 896 с.
6. Семенова Е.М. Тренинг эмоциональной устойчивости педагога. - М.: Издательство Института психотерапии, 2014. – 224 с.
7. Стресс жизни понять, противостоять и управлять / Сост. Л.М. Попова, И.В. Соколов. – С-Пб.: Лейла, 2017. – 384 с.
8. Тихомирова Л.Ф. Развитие интеллектуальных способностей школьника. - Ярославль: Академия развития, 2014. – 240 с.
9. Тушканова О.И. Психологическая подготовка к экзаменам, выступлениям, ответам на уроках. - Волгоград: Центр психологии и педагогики, 2013. – 64 с.
10. Черепанова Е. Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях. - М.: АСТ, 2015. – 74 с.

Некрылова О.Г.

Роль католической церкви в образовании ХДС в американской оккупационной зоне Западной Германии

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Россия, Елец)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-07

idsp: 000001:spc-01-11-2017-07

В весьма разнообразном по своему социальному составу послевоенном общественно-политическом движении Западной Германии на первый план выдвинулась католическая церковь, представлявшаяся многим «скалой среди бушующих волн» и взявшая на себя роль организующей силы партийно-политического движения. Трагический исход Второй мировой войны для немецкого народа способствовал созданию партии основанной на христианских ценностях. Такая роль для нее планировалась задолго до 1945 г. христианская церковь в Германии не была союзницей национал-социализма. Обращение немцев к церкви было естественным, а не вынужденным шагом. В тяжёлое послевоенное время церковь действовала в соответствии со своим предназначением, оказывая населению широкую благотворительную помощь, не отталкивая от себя тех, кто встал на путь освобождения от нацистской идеологии.

Общественное положение церкви создавало благоприятную почву для использования религии в целях перестройки социально-политической жизни. В отношении религии, в американской зоне продолжала обеспечиваться свобода вероисповедания, на церковные институты не распространялся запрет политической деятельности, также не предусматривалось вмешательство властей в «конфессиональные дела» и гарантировалась религиозная свобода. Не случайно, что Христианско-демократический союз возник, вначале как одна из религиозных организаций.

Цели и задачи американской оккупационной политики в Германии определялись одобренной 2 мая 1945 г. президентом США Г. Трумэном директивой «Начальникам объединенных штабов». Следуя линии «сдерживания большевизма», американские оккупационные власти пытались противостоять неонацистским и коммунистическим

идеологиям, и предпочитали опираться на католическое духовенство, охотно привлекая к сотрудничеству лиц, так или иначе связанных с церковными кругами что, в конечном счете, на наш взгляд и привело к формированию ХДС. В целях отказа от традиций прежних политических движений и осуществления идеи демократии ХДС частично порвали с прошлым партии «Центра», придерживаясь принципиально новой политической концепции. Германский политолог Х.-О. Кляйнман проводит мысль о том, что «ХДС возник как новый элемент в истории Германии и развивался в качестве движения снизу, превращаясь в самую крупную политическую силу в послевоенной Германии».

Важным моментом в формировании ХДС явилось принятие решения о превращении его в партию надконфессиональную и межконфессиональную. В истории Германии оба вероисповедания – католицизм и протестантизм – играли различные роли и по многим вопросам занимали различные позиции. Окончание Второй мировой войны привело к важным изменениям во взглядах католиков и протестантов. Преследования церковью в период нацизма, неприятие церковными деятелями коммунизма, опасения, что «новая Германия может стать социалистической», сблизили представителей обоих вероисповеданий и создали предпосылки политического союза между ними, что привело к объединению их в Христианско-демократический союз.

По данным переписи 1946 года население американской оккупационной зоны составляло 16млн. 882тыс. человек. Из них 7 млн. 384тыс. (43%) были протестантами и 8 млн. 977тыс. (53%) католиками, большая часть которых проживала в Баварии. Другие религиозные конфессии составляли меньшинство.

Американские оккупационные власти дали возможность учредителям христианско-демократического союза приступить к основанию местных организаций уже с конца апреля 1945г. Центром учреждения стал Франкфурт на Майне. Складывание ХДС во Франкфурте началось с политического комитета «католического народного труда», который был образован по инициативе священнослужителя А. Экерта сразу после американской оккупации. Комитет ставил перед собой задачи морально-политического обновления послевоенной Германии. На первом заседании 29 апреля 1945г. комитет обсуждал вопрос о политическом представительстве католиков в городских властях, что на деле было связано с проблемой основания новой партии. Объединение с представителями евангельской церкви произошло в городском совете, который был создан американскими властями. Вскоре по приглашению члена комитета В. Диркса собрался круг людей, которые были заинтересованы в создании надконфессиональной партии с «социалистической христианской ориентацией». В результате в сентябре 1945 года были выработаны «Франкфуртские тезисы».

Крупная партийная организация была создана в Дармштадте, где протестанты составляли 99% населения. Заметную активность также проявляли протестанты округа Кассель. До 1933г. Кассель был доменом протестантской организации «Христианско-социального служения народу» (ХССН). Совместные усилия протестантов и католиков из ХССН и Центра образовавших «надпартийный комитет» увенчались успехом. Этому способствовало то, что оккупационные власти не разрешали деятельность двух христианских партий, поэтому учредители согласились на название ХДП и отказались от какого-либо сотрудничества с другими партиями.

Американские оккупационные власти стремились поддерживать отношения с немецкими церковными лидерами, проводились постоянные встречи и конференции с участием представителей церковью. В целом генерал Л. Клей характеризовал

сотрудничество военной администрации с церковными лидерами как «искреннее и полезное», а епископ Вурм, позднее О. Дибелиус высоко оценивали американскую поддержку. Церковь играла большую роль не только в духовном возрождении Германии, но и оказывала влияние на партийно-политическое развитие, поддерживая такие крупные политические партии как ХДС и баварский ХСС

Таким образом, ядро Христианско-демократического союза образовали политики, разделявшие настроения «нового начала», но видевшие его в утверждении парламентской демократии и прав человека исходя из религиозной этики. Мы полагаем, что такая позиция во многом диктовалась прагматическим расчетом, связанным с особой ролью церкви в послевоенной Германии. Религиозная основа ХДС давала ему ряд бесспорных преимуществ. К деятельности по его созданию и пропаганде основных принципов подключался значительный контингент католического и протестантского духовенства. Церковь при нацистах сумела сохранить свои кадры и организационные центры. Потенциал протестантской церкви в западных землях Германии традиционно уступал католическому, но и он был достаточно сильным, располагал разветвленным и хорошо организованным аппаратом. Имелся и политический расчет. Люди, пережившие нацизм и войну, испытывающие голод, нищету, моральную депрессию, обращали взоры к Богу. Церковь принимала их в своё лоно, а заодно и собирала голоса избирателей в пользу ХДС.

1. Kleinmann. H.- O. Geschichte der CDU 1945-1982. – Stuttgart, 1993. – S. 544.
2. Monthly Report of the Military Governor. Statistical Annex. July 1949. № 49. S. 327.
3. Schulz G. Die CDU Merkmale ihres Aufbaus // Parteien in der Bundesrepublik Deutschland bis zur Bundestagswahl 1953. – Stuttgart, Düsseldorf, 1955.

Рощупкина И.А.

Деятельность СВАГ в области религии и осуществление процесса денацификации немецкой церкви в послевоенной Восточной Германии (1945-1948 гг.)

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Россия, Елец)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-08

idsp: 000001:spc-01-11-2017-08

Вторая мировая война для немцев закончилась поражением и крахом Третьего рейха. Помощь в восстановлении и обновлении ряда отраслей во всех сферах жизни Германии ложилась на плечи стран - победительниц, а именно СССР, США, Великобритания и Франция. В 1945 г. они получили полную свободу действий в покоренной стране. После безоговорочной капитуляции нацистской Германии вся ее территория была разделена на четыре оккупационные зоны. Эти зоны контролировались соответствующими военными администрациями союзных держав.

Одним из важных вопросов послевоенного переустройства Германии являлся религиозный вопрос, а именно определение дальнейшей судьбы немецкой церкви.

После краха германского национал-социализма в мае 1945 г. немецкая церковь вновь оказалась под пристальным надзором. Так, на заседании Директората внутренних дел и связи Союзного контрольного совета 24 августа 1945 г. был учрежден Комитет по религиозным делам. В сентябре был принят устав Комитета по религиозным делам,

согласно которому в состав Комитета входили 4 представителя от всех союзных оккупационных держав.

26 сентября 1947 г. появился проект директивы Союзного контрольного совета о принципах, применяемых в религиозных вопросах. Данный проект гласил: «Свобода вероисповедания и отправления религиозного культа признается и охраняется... Религиозным организациям, по мере возможности, предоставляются условия для издания религиозной периодической или иной литературы религиозного характера при условии, если это не противоречит распоряжениям Союзной контрольной власти».

Политика СВАГ в вопросах государственного регулирования деятельности религиозных организаций опиралась на опыт СССР, а именно базировалась на принципах, заложенных в статье 124 Конституции СССР 1936 г. Один из этих принципов гласил «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Однако эта политика отражала лишь формальную сторону отношений государства и церкви. На практике же деятельность СВАГ в религиозном вопросе была гораздо грубее и жестче. Помимо отделения государства от церкви, советская военная администрация жестко контролировала практически все стороны внутри церковной жизни.

Официальная позиция советских оккупационных властей в области религиозных отношений в Германии базировалась на известных решениях, принятых державами-победительницами летом 1945 г в Потсдаме. В пункте 10 раздела «Политические принципы» Потсдамских соглашений указывалось, что «с учетом необходимости поддержания военной безопасности будет разрешаться свобода слова, печати и религии и религиозные учреждения будут уважаться, а все вероисповедания, церкви и секты принципиально пользуются свободой богослужения и проповеди своего религиозного учения».

Нужно так же понимать и мотивы, а именно почему СВАГ выбрала именно такую религиозную политику. Такой контроль со стороны советской военной администрацией был вызван не случайно. Разумеется, что в центре внимания оккупационных властей были не особенности проведения церковных обрядов и не содержание проповедей, а оценка советской оккупационной политики в Германии представителями церкви. Ситуацию так же ухудшали и провокационные слухи, а также проповеди и нелояльные высказывания некоторых религиозных объединений против советского оккупационного режима и т.п.

Основные принципы советской оккупационной политики в церковной сфере были достаточно конкретно изложены в отчетном документе «О трехлетнем опыте работы Управления информации СВАГ с октября 1945 г. по октябрь 1948 г.». Советская военная администрация обеспечила, в общем и целом, свободу вероисповедания в зоне, разрешив деятельность практически всем церквям и религиозным объединениям. Исключения составляли те церкви и религиозные объединения, чья догматика и идеология носила расистский характер. Была разрешена передача богослужений по радио, возобновлена деятельность теологических факультетов в университетах, выдавались разрешения на печатание религиозных книг (молитвенники, библии и т.п.), выдан ряд лицензий на издание религиозных журналов и церковных газет, разрешено создание евангелического издательства. В отчетном документе о деятельности Управления информации СВАГ отмечалось, что «Предоставив церкви полную свободу в ее делах, советские оккупационные власти на деле доказали свою терпимость к религии и тем привели в негодность значительную часть антисоветского пропагандистского арсенала». Однако полную свободу основным

церковным конфессиям и религиозным объединениям советская военная администрация не предоставила.

Ввиду сильного влияния церкви на население одним из важных вопросов религии СВАГ считало очищение церкви от нацистов. Так называемый процесс денацификации (комплекс мероприятий, направленных на очищение послевоенного немецкого и австрийского общества от влияния нацистской идеологии) священнослужителей основных церковных конфессий советской зоны оккупации Германии базировался на определённых началах. Отстранению подлежали священнослужители, которые придерживались нацистских и милитаристских взглядов и являлись опорой нацистского режима в церковной среде. Пронацистские руководители отдельных земельных и провинциальных церквей (например, в земле Тюрингия, провинциях Мекленбург и Саксония) были отстранены от должности или арестованы сразу после прихода союзных войск. Кроме того, отстранению от должностей подлежали и священники - бывшие члены НСДАП и священники - бывшие члены пронацистского движения «Немецкие христиане».

Денацификация советской зоны проходила в следующем порядке. В сентябре-октябре 1945 г. по рекомендации управлений СВА провинций и земель зоны при всех ланд-ратах и немецких управлениях провинций и земель были созданы комитеты по политической чистке предприятий, административных и культурных учреждений от бывших нацистов. В декабре 1946 г. в соответствии с директивой Контрольного совета № 24 и приказом СВАГ № 014 во всех провинциях и землях Советской зоны оккупации были созданы специальные комиссии по денацификации: центральные, городские и районные, которые осуществляли свою работу под контролем отделов внутренних дел управлений СВА провинций и земель, и военных комендантов районов. Приказом СВАГ № 201, изданном в августе 1947 г., ответственность за выполнение директив Контрольного совета № 24 и № 38 по денацификации была возложена на немецкие органы административного управления. Были установлены четкие разграничения в отношении к номинальным нацистам с одной стороны, и к активным нацистам и милитаристам - с другой. Ограничения политических и гражданских прав для номинальных нацистов были отменены, им предоставлялось не только активное, но и пассивное избирательное право (право избирать и быть избранным). Одновременно была завершена работа по окончательному удалению бывших активных нацистов и милитаристов с ответственных постов во всех сферах жизни общества. Всего в Советской зоне оккупации действовали 185 немецких комиссий по денацификации, в том числе 5 земельных, 128 районных и 52 городских, с общим количеством членов 1516 чел. Приказом начальника СВАГ от 26 февраля 1948 г. комиссии по денацификации в Советской зоне оккупации Германии были распущены, как завершившие свою работу.

Очевидно, что более чем мягкая позиция СВАГ в отношении денацификации немецкого духовенства объяснялась совершенно конкретными причинами практического и политического свойства. Из приведенных выше данных становится очевидным, что в послевоенной Германии ощущался острый недостаток священников (многие евангелические священники, призванные в вермахт, погибли на фронте или находились в плену). Дополнительная массовая «зачистка» духовного сословия в рамках процесса денацификации могла только усугубить этот кадровый кризис. Так, по оценке епископа евангелической церкви Тюрингии М. Митценхайма даже в конце 1948 г. в земле не хватало около сотни священников.

В заключение можно сделать вывод, что сфере религии со стороны СВАГ было уделено большое внимание. Освобожденное от дурмана национал-социализма, немецкое население очутилось в идеологическом вакууме и он, поскольку у советского руководства в первое послевоенное время еще не было ясного представления о дальнейшей судьбе Восточной Германии, мог быть заполнен только одним - религией. Временно и в ограниченных масштабах, уступая место церкви, советские оккупационные власти могли быть уверены, что в этом случае они гарантированно смогут контролировать развитие политической ситуации в Восточной Германии. Этот расчет оказался верен, вплоть до начала форсированной «советизации» Советской зоны оккупации Германии политическая ситуация в ней оставалась вполне контролируемой.

1. ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 220. Л. 202-203.
2. ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 12. Л. 124.
3. ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 18. Д. 25. Л. 241-243.
4. СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945 – 1949: Сборник документов / Отв. Ред. В.В. Захаров. – М.: РОССПЭН, 2006. – 592 с.

Научное издание

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник научных трудов, по материалам
X международной научно-практической конференции
1 ноября 2017 г.

SPLN 001-000001-0198-FF

Подписано в печать 07.11.2017. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.1,84
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович